

Меню

Константин Сергеевич не спешил. Спешить он не любил, помня высказывание Сократа: "Самое смешное на свете — вид спешащего". Стеснялся спешить. Да и некуда было. Как в романсе про ямщика, превысившего скорость. Вечер только начинался, а день, похожий на тысячи предшественников, закончился. Логично: если день не закончится, то и вечер не начнется. Логично с точки зрения астрономических наблюдений. А с точки зрения человеческой души — может и "дольше века длиться день". Роман с таким названием Константин Сергеевич читал лет двадцать назад. Содержания не запомнил, название не забыл, поэтому ставил умозрительную точку, отделяющую день от вечера.

Днем Константин Сергеевич работал. Работал не по специальности, как многие. И как многие, работу эту не любил. Впрочем, и специальность свою он выбрал не по любви, а скорее, по расчету родителей. Та, что ему нравилась, казалась им недоступной, а доступная оказалась неинтересной. Так часто бывает с профессиями и женами. Наверно, и с мужьями тоже. Мужем Константин Сергеевич был почти четверть века, а потом, вырастив сына, разошлись. Она вышла замуж за чиновника средней руки (смешное определение: ну где она, средняя рука, расположена?). А Константин Сергеевич остался один. Сын женился и уехал работать за границу. Писем не писал, иногда звонил по телефону. На день рождения присылал деньги, с инструкцией: "Папа, купи что хочешь". Добрый мальчик. То, что Константин Сергеевич хотел, купить за эти деньги было нельзя. Впрочем, это вообще нельзя было купить за деньги. За любые. Например, Константин Сергеевич хотел, чтобы весна в этом году была теплой, а она была холодной. А поскольку лечиться, как и спешить, Константин Сергеевич не любил, то, выходя на улицу, обязательно обматывал шею черным шерстяным шарфом, а под пиджак надевал тонкий кашемировый пуловер, согревающий его организм почти двадцать лет. Сверху — плащ на подстежке, с высоким воротником, который можно поднять при сильном ветре. В кармане плаща лежала вязаная шапочка на случай дождя. Конечно, если приходилось выходить в дождь, Константин Сергеевич брал зонт, хотя зонты не любил. Маленькие — за то, что плохо прячут от дождя, быстро ломаются и еще быстрее теряются. Большие не любил за то, что большие...

У черной, в тон шарфу, шапочки недостатков было меньше. Конечно, под проливным дождем долго сохранять волосы сухими она не могла, за-

то у нее было другое достоинство для вечерних прогулок. Надвинутая на брови, она придавала интеллигентному Константину Сергеевичу вид освободившегося братка из бандитского сериала. Выполняла отпугивающую функцию, как ядовитая окраска у насекомых.

Константин Сергеевич жил в центре большого приморского города, в старом фонде, как называют маклеры дома, построенные до той, настоящей, октябрьской по имени и ноябрьской по сути революции.

Парадная выходила во двор, не знавший ремонта все послереволюционные годы. Константин Сергеевич помнил, как ему и его сверстникам мешали играть в этом дворе художники, приходившие рисовать дворик, — почему-то итальянский! — с висящим посреди него бельем и облупившимися стенами. Фауна двора была представлена, в основном, кошками, существующими не столько за счет охоты на грызунов, сколько на пенсию двух одиноких бабушек, подкармливающих их ежевечерне.

Квартира Константина Сергеевича находилась над полуподвалом. Не первый, но и не второй этаж звался *прекрасным*. "Бельэтаж" напоминал о безвозвратно ушедшем времени, в котором французские, а не английские слова селились в нашем языке.

Как-то зимой, уже в зрелые годы, воскресным утром, наступившим после затянувшегося празднования дня рождения, Константин Сергеевич проснулся и подошел к окну. Выпал долгожданный снег, и по нему радостно бегали кошки, за которыми гонялся сосед с первого этажа. "Странно, зачем они ему?" — подумал Константин Сергеевич, отходя от окна. Когда его взгляд прощался с жанровой картинкой, он отметил, что у кошек, у всех бегающих по двору кошек длинные, как у зайцев, уши. Не веря глазам своим, Константин Сергеевич прижался к стеклу, чтобы лучше рассмотреть мутантов... Рассмотрел. По двору бегали не кошки, а кролики... То есть белой горячки не было. А было тайное разведение четвероногих в дощатом сарайчике, пристроенном к квартире соседа. Наверное, их забыли закрыть, или они что-то перегрызли...

Как давно это было? Лет двадцать, не меньше... Соседа уже десять лет нет. А носители ценного меха, как и все остальные съедобные представители фауны, перестали быть дефицитом. Сам дефицит стал дефицитом, практически исчезнув. Напарник Константина Сергеевича по нелюбимой работе любил повторять, что "сегодня в дефиците — только деньги". На что Константин Сергеевич всегда добавлял: "Нет, не только. Еще совет". Напарник вздыхал и соглашался. До следующего раза.

Дело было не в том, что Константин Сергеевич не любил деньги, как раз наоборот, а в том, что деньги не любили Константина Сергеевича и всяче-

ски уклонялись от встречи с ним. Совесть, напротив, не хотела его покидать, хотя много раз он на этом настаивал. Наверное, ей с ним было хорошо...

Одевшись, Константин Сергеевич вышел из дома, перешел улицу на зеленый сигнал светофора, прошел квартал и остановился у дверей недавно открывшегося ресторана. Рядом со входом висело меню. Не доставая очки, прищурившись по-ленински, Константин Сергеевич начал внимательно его читать.

"Холодные закуски: килечка малосольная, тюлечка черноморская...". Уменьшительные суффиксы наверно, усиливают выделение желудочного сока. Знал ли об этом физиолог Павлов? Хотя на собак это могло и не действовать, размышлял Константин Сергеевич.

"Ассорти сырное (дор блю, камамбер, сырные "шнурки", фета, голландский, маслины...)". Покойная теща Константина Сергеевича помнила нэп, и названия "рокфор" и "камамбер" часто звучали в семье в те времена, когда в единственном в городе сыром магазине продавался единственный сорт сыра — "костромской". Надо было два часа стоять в очереди. И больше килограмма в одни руки не давали. Жалко, не дожидая теща до второго пришествия камамбера. Да еще в такой компании.

"Грибы белые в чесночном маринаде".

Бабушка Константина Сергеевича, которая помнила не только нэп, но и дореволюционное детство, говорила: "Дешевле грибов", — когда хотела подчеркнуть, что дешевле некуда. Это удивляло Костю, потому что связка сухих грибов стоила на базаре безумных денег. Видимо, нагибаться за ними никто не хотел. А больше всего противился пионер Костя бабушкиной поговорке "Простота хуже воровства", объясняя ее заблуждение отсутствием комсомольской организации в гимназии, которую бабушка окончила с отличием в 16-м году.

Сегодня Константин Сергеевич уже не был столь категоричен в том, что чего лучше. "Оба хуже", — заочно примирялся он с бабушкой.

"Рыбная тарелка для гурманов (сельдь малосольная, картофель, скумбрия малосольная, масло слив., лук, зелень)". Оказывается, из слив тоже делают масло. Никогда не пробовал. Всё ты пробовал, отвечал Константин Сергеевич сам себе, — это же сливочное масло. Тогда, конечно, пробовал, — быстро согласился с собой Константин Сергеевич.

Все мы гурманы... Селедка с картошкой — кто же ее не любит? Каждый помнит воскресные семейные завтраки: никто никуда не спешит, все выспались, впереди выходной, настроение хорошее, и на столе, кроме прочего, селедка с картошкой, как правило, "в мундирах". Маленький Костя

говорил: "Хочу картошку в командирах". Эта фраза прижилась, и мама спрашивала: "Тебе пюре или "в командирах"? Но чистить будешь сам".

"В командирах", — всегда отвечал Костя. Он любил обмакивать еще горячую картофелину в так вкусно пахнущее жареное подсолнечное масло и, не в обиду селедке, посыпать крупной солью. Теперь все знают, что жареное масло вредно, а соль... И того хуже.

"Икра красная — 50 гр.". Свободно. И недорого, думал Константин Сергеевич. Чуть дороже селедки. А было время — все застолья делились на две категории: с икрой и без икры. Когда с икрой, то, как правило, по бутерброду на нос, а сейчас — как селедка...

"Салат "Лолита" (ветчина, помидор, яйцо, креветки, курага, майонез, сметана)". Интересное сочетание. Креветки-нимфетки.

Константин Сергеевич читал этот роман еще в самиздате, перепечатанный на машинке и до Константина Сергеевича прошедший сотни рук и глаз. В то время роман считался порнографическим, а теперь это классика. Интересно, почему салат "Лолита" есть, а салата "Гумберт" нет?

Правда, есть "Мужской каприз" (сыр сулугуни, куриное мясо, помидоры, огурцы, сельдерей, зелень). В чем "каприз" — *каприччио* по-итальянски? В сельдерее? Главное — не перепутать каприччио с карпаччо, а их обоих — с гаспаччо. Это все равно, что перепутать Венецию с Винницей — сам себя рассмешил Константин Сергеевич.

"Рапаны в сметане". Рапаны — это содержимое красивых ракушек, которые прикладывают к уху, чтобы услышать шум моря. Летом крымчане набивают ими морозилки, как сибиряки — пельменями, а зимой употребляют.

Рапана — это Крым. Константин Сергеевич вспомнил город-городок с маленькими карабкающимися на вершину холма беленькими домиками и зеленое, пронзительно зеленое, как глаза той женщины, море. Три недели они прожили в одном из таких домиков, не отрывая друг от друга глаз и рук. И казалось, что так будет всегда. Один раз они гуляли, держась за руки, попали под ливень и, не разжимая рук, прибежали домой, промокнув до нитки.

Дальше... Дальше было все... и ничего. Ничего, потому что сын был маленьким, и жену было жалко.

Ничего, потому что казалось, что на вопрос "или... или" можно ответить "и... и". Казалось. Она ждала его семь лет, а потом вышла замуж, как позже выяснилось, за миллионера, и родила ему двух дочерей в Австралии...

Вспоминает ли она тот крымский город-городок или не может забыть, как не могу я?

Хотя теперь у нас даже звезды разные, думал Константин Сергеевич. Надо мной Большая Медведица, над ней Южный Крест.

Креста Константин Сергеевич не носил, а в Бога верил. Чаще бывает наоборот.

В детстве его не крестили, а взрослому казалось, что Бог в сердце, то есть в душе, если в нее верить, а не в купели. Но это дело сугубо личное.

Рапаны в сметане... Сметана. Говорят, что нигде в мире ее не найдешь. Сливки, йогурт — пожалуйста, а сметаны нет. Редкое сочетание жирного, кислого и плотного. Главный признак подлинности продукта — ложка в сметане должна стоять. Вот и "Борщ украинский со сметаной".

Отец Константина Сергеевича любил борщ. Не московский, больше похожий на свекольник с капустой, а именно украинский — с помидорами, сладким, или, как его называют на юге, — болгарским перцем и чесноком.

Константин Сергеевич борща не любил. С детства. Из-за шкварок. В борщ бабушка обязательно добавляла растопленные на сковороде кусочки сала — шкварки, что делало борщ более сытным. Хотя варили его на мясном бульоне, и сытности было — хоть отбавляй. В те годы борщ заправляли шкварками по инерции, по опыту предвоенных, военных и послевоенных голодовок, когда о мясном бульоне мечтать не приходилось. Потом, после бабушки, борщ варили уже без шкварок, но Костя его по-прежнему не любил, тоже по инерции. А отец любил, вернувшись поздно из гостей, после всех угощений съесть на кухне тарелку горячего борща и долго беседовать с Костей о своей неправильно прожитой жизни. Может, потому, что в гостях отец мало ел, но многопил.

А мама? Что она любила есть в молодости? Жаркое. Жаркое из баранины. С картошкой. Горячее, пока бараний жир не успел застыть. Интересно, есть у них в меню жаркое? "Жаркое по-домашнему с лисичками". Нет, мама любила без лисичек. В войну их эвакуировали в Узбекистан, в небольшой городок. Дедушка ушел на фронт, бабушка Константина Сергеевича умерла в эвакуации в сорок втором году, когда маме было двенадцать лет, практически от голода, а мама выжила, будучи полунянькой-получительницей детей заведующего городской столовой.

Она как-то рассказывала Косте про спектакль, который показывали в городке приехавшие из Ташкента актеры. Сюжет был незамысловат. Немцы схватили партизанку, и как ни пытали, она не говорила, где скрываются ее товарищи. Тогда фашисты поставили на стол дымящийся казан и сказали: если выдашь, где партизаны, мы дадим тебе жареное мясо с картошкой.

Сидящие в зале зрители партизанами не были, но есть им хотелось не меньше героини. И каждый мог оценить подвиг отказавшейся от мяса с картошкой девушки.

Мама любила жаркое без лисичек. Откуда в Узбекистане лисички? Папа любил борщ со сметаной. Мама, папа. Анкета какая-то! У анкеты много общего с меню. А у меню — с анкетой. Хотя меню — оно; они, наверное, сестрички.

Анкет Константин Сергеевич не любил, как будто кто-то сквозь бумажку с вопросами простреливал его насквозь альфа- или гамма-частицами. Даже, казалось бы, приятный вопрос о дне рождения был дополнительным ориентиром для розыска среди тезок и однофамильцев. А уж вопросы про судимости и родственников за границей, участие и нахождение, исключения и сокрытие казались даже не враждебными, а угрожающими. Хотя скрывать особо было нечего, анкеты Константин Сергеевич не любил. А меню любил. Так бывает с сестрами: одну любишь, а другую ненавидишь. Сестер у Кости не было, как и братьев. Вроде как жилплощадь не позволяла.

У сына Константина Сергеевича тоже братьев и сестер нет. Жилплощадь. Универсальная причина.

Так, что у них на десерт? — еще сильнее прищурился Константин Сергеевич.

"Чернослив со сливками и грецкими орехами". Хорошо, что тут без сметаны обошлось.

"Крем из белого шоколада с фруктовой начинкой".

Начинка — ладно, а белый шоколад? Это почти безалкогольное пиво...

Меню закончилось. Пошли дальше.

Константин Сергеевич направился к перекрестку. Пройдя два квартала, он остановился у входа в ресторан французской кухни со скромным названием "Максим". Меню висело в стеклянном ящике и было подсвечено почему-то голубым фонариком. Его изучение Константин Сергеевич начал с супов.

"Буайябес" (суп из пяти видов рыбы и креветок с сырными гренками и соусом "Айоли"; самое популярное блюдо в Марселе).

На память пришла старая псевдоблатная песенка:

А я теперь имею одну лишь в жизни цель,
Чтоб как-нибудь добраться в тот западный Марсель.
Там девки пляшут голые, там дамы в соболях,
Лакеи носят вина, а воры носят фрак.

Слава Богу. Добрались все. Причем, не выходя из собственных квартир. И девки пляшут. И воры в галстуках и без галстуков... Кого за это благодарить? Бога не хочется...

Салат "Бон Фам" (нежный салат из корня сельдерея, заправленный соусом "Айоли").

"Бон Фам" — в переводе с французского — хорошая женщина. А можно перевести и как добрая. Почему добрая? А наверно, после эффекта, который производит на мужчину корень сельдерея. Ничего другого в голову не приходило.

Вообще, так уж сложилось, что любимым собеседником Константина Сергеевича был он сам, и когда им удавалось прийти к согласию, ему было хорошо и спокойно. Но так случалось редко. "Бон Фам" — а где же ее найти? После развода желающих подать Константину Сергеевичу воды в трудную минуту было достаточно... Но пить из рук ровесниц не хотелось, а из тех, что хотелось... Ну, во-первых, деньги. Да и неинтересно было бы друг с другом. Тут сам с собой договориться не можешь, а с молоденькой дурочкой? Почему с дурочкой? Потому что умные давно замужем. Да и другое поколение, оно же действительно: другое.

Год назад Константин Сергеевич, вспомнив юношеские успехи в эпистолярном жанре, написал повесть. О прожитом времени. Назвал ее "Повесть о ненастоящем человеке" и отправил в Москву, в толстый, любимый с юных лет журнал. Не надеясь на ответ, хотел написать обратный адрес: "ул. Любая, 29", но потом подумал: а вдруг захотят напечатать? Зря. Ответ пришел через месяц. Начинаясь он так: "Уважаемый Константин Сергеевич. Ваша повесть проникнута желчным разочарованием незаслуженно обиженного жизнью совка...". Откуда ей знать: заслуженно, не заслуженно? Писала ему зам. редактора, судя по слогу — молодая женщина, выросшая в подлинно демократическом обществе. Бог с ней, с молодежью и с демократией, объявить которую намного легче, чем построить. Обойдемся без "Бон Фам".

"Фуа-гра с цукатами (один из самых известных деликатесов французской кухни)". А по-русски — жирная печень. Напарник по работе часто повторял: "Все, что есть в жизни хорошего, или преступно, или аморально, или ведет к ожирению". Хотя это многие повторяют, но они неправы. Разве преступно или аморально читать меню ресторанов, гуляя по вечернему городу? Не в окна же я заглядываю... Константин Сергеевич начал очередной спор с самим собой. Аморально. Потому что ты не собираешься заходить и заказывать. Да, но я же не сажусь за столик, читаю меню

и ухожу. Так я их обижу, а так наоборот, они видят интерес. Не зайду сегодня, зайду завтра.

И завтра ты к ним не зайдешь. На завтра у тебя запланирован китайский, греческий и болгарский, а вчера ты стоял у чешского и ливанского. Ладно, примирительно сказал Константин Сергеевич сам себе. К ожирению это точно не ведет.

Неважно, что улаживать — хрусталик глаза, барабанные перепонки или пупырышки языка. Важно, как это делать...

На сегодня был запланирован еще японский ресторан, находившийся недалеко от входа в порт. Поздно. Может, домой, на йогурт? Хотя сегодня я действительно проголодался и могу сварить вкусный грибной суп из концентрата, думал Константин Сергеевич, но ноги уже шагали по спуску. Сырая рыба, рис, водоросли, — а такая популярность. В городе было уже пять японских ресторанов, и все полны посетителями. Интересно, что у каждого было свое меню с цветными картинками предлагаемых блюд. К портовскому "японцу" Константин Сергеевич приходил раз в две недели. Обычно ресторан и тротуар перед ним были ярко освещены, но сегодня лишь изнутри пробивались блики от стоящих на столах свечей. Наверное, электричество в доме отключили, подумал Константин Сергеевич. Да, при таком освещении креветки на картинках не рассмотришь, и состав коктейля "Камикадзе" не прочитаешь, зря шел. Темно. Поздно. Иду йогурт пить.

Константин Сергеевич развернулся по направлению к дому. Ему навстречу шли трое коротко стриженных мужиков.

"Батя, сотку не разменяешь?" — спросил один из них, преграждая ему дорогу. Рука Константина Сергеевича потянулась в карман, за черной шапкой, но было поздно. Действительно поздно... Совсем.

.....

Изменилось ли что-то? Для кого? Для случайных прохожих, которые больше не встретят вечером человека в старомодном с приподнятым воротником плаще на подстежке? Для посетителей ресторанов, которые больше не увидят сквозь стекло переминающегося с ноги на ногу человека, долго читающего меню, но так ничего и не выбравшего в этой жизни? Вряд ли.

